

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

ДЖЕК
ЛОНДОН

ЛЮБОВЬ К ЖИЗНИ

МОСКВА

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л76

Jack London
LOVE OF LIFE

Перевод с английского

Оформление серии *Н. Ярусовой*

В оформлении обложки использованы фрагменты работы
художника *Филипа Р. Гудвина*

Лондон, Джек.

Л76 Любовь к жизни : [перевод с английского] / Джек
Лондон. — Москва : Эксмо, 2025. — 448 с. — (Всемир-
ная литература (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-122105-8

Северные рассказы принесли Джеку Лондону большой успех и читательскую любовь. Величественность природы, непоколебимая сила духа человека, любовь к жизни и неизменная искренность рассказа сделали произведения автора востребованными вот уже у нескольких поколений читателей.

Сборник захватывающих рассказов погружает читателя в яркий и удивительный мир, где жизнь предстает во всем своем многообразии. В нем вас ждут разнообразные приключения, иногда забавные, иногда опасные. Тяжелая борьба с суровой природой и столкновение двух миров, цивилизованного и естественного, становятся настоящим испытанием. Одни герои стремятся к достижению успеха и не останавливаются ни перед чем, преодолевая буйство стихии, границы собственного Я и даже перешагивая через нужды окружающих. Другие — проявляют высшую степень человечности, верности и самоотречения. Насыщенное содержание, заманчивые сюжеты, романтика приключений здесь переплетаются с философской проблематикой, а психологические ситуации, в которых оказываются герои, актуальны и в наши дни.

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-122105-8

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

БОГ ЕГО ОТЦОВ

БОГ ЕГО ОТЦОВ

I

Кругом был густой, первобытный лес — отчизна веселых комедий и мрачных трагедий. Здесь борьба за существование велась с той злобой, на которую способен только дикарь или зверь. За гегемонию в Стране Радуги боролись еще только англичане и русские. Янки пока стоял в стороне, словно выжидая, когда сможет пустить в ход свое золото и накопить земель. Все носило девственный характер. Огромные волчьи стаи гнались за стадами оленей, отбивали старых и слабых самцов и беременных самок. Так происходило много-много поколений назад, так происходило и теперь. Немногочисленные туземцы все еще почитали своих начальников, преклонялись перед знахарями и колдунами, изгоняли злых духов, сжигали ведьм, сражались с соседями и поедали их с превеликим аппетитом. Так было и в то время, когда кончался период каменного века. И здесь кончался свой каменный век. По неведомым дорогам, через не обозначенные на картах пустыни стали все чаще и чаще появляться сыны белокурой, голубоглазой и неугомонной нации. Чисто случайно или с известным намерением, в одиночку или малочисленными группами они являлись неизвестно как и откуда, — и либо умирали в стычках с туземцами, либо, победив, проходили дальше. Военачальники высылали против них своих воинов, колдуны и знахари неистовствовали, но все было напрасно:

ибо камню не победить стали! Подобно волнам огромного моря, они проникали в леса и горы, пробирались по рекам или же вдоль берегов на собаках. Это были сыны великого и могучего племени. Их было чрезвычайно, неисчислимо много, но этого не знали, об этом не догадывались закутаные в меха обитатели Севера... Много неведомых пришельцев из далеких стран нашли здесь смерть, и они так же мужественно встречали смерть при морозном блеске северного сияния, как их братья — в раскаленных песках пустыни или в дышащих смертоносными испарениями тропических чащх. Они умирали, но за ними шли другие, которым, в свою очередь, предстояло либо умереть, либо победить. Великое, неведомое племя добьется своего, ибо так указано в книге его судеб.

Время было около полудня. На горизонте стояли алые краски — редкие на западе и густые на востоке. Они обозначали положение невидимого полярного солнца. Не было ни дня, ни ночи. В тесном объятии слились мрак и свет, умирающий день встретился с нарождающимся днем, и от этого на небе стояло два круга. Птица-кильди робко пела свою вечернюю песенку, а реполов громко приветствовал наступающее утро. Вдоль поверхности Юкона с жалобными криками и стонами проносились стаи птиц; над застывшими водами насмешливо хохотал лун¹.

У берега стояли в два-три ряда челноки, сделанные из березовой коры. Копья с наконечниками из моржовой кости, костяные резные стрелы, луки, грубые сети и многое другое указывало на то, что стояла пора, когда лосось мечет икру. Близ берега находилась беспорядочная куча палаток, из которых доносились голоса рыбаков. Молодые люди боролись друг с другом или же ухаживали за девушками, а пожилые сквау неторопливо разговаривали и в то же время сучили веревку из молодых корней и побегов. Подле них забавлялись дети — дрались, возились или же вместе с собаками, огромными волкодавами, катались по голой земле. Несколько поодаль, по ту сторону лужка, находился дру-

¹ Лун — птица из породы нырцов.

гой лагерь, заключавший лишь две палатки. Это был лагерь белолицых. Белые всегда были в полной безопасности. Их лагерь господствовал над лагерем индейцев, находившимся в какой-нибудь сотне ярдов от них. И на всякий случай от одной из этих двух палаток вела дорожка прямо к берегу, к пирогам.

Из одной палатки несся капризный плач больного ребенка, которого мать старалась успокоить и убаюкать колыбельной песней. У догорающего костра разговаривали двое: американец и метис.

— Да! Я люблю церковь, как может любить только преданный сын. Моя любовь к ней так велика, что дни свои я проводил, спасаясь от нее, а ночи... ночи в снах о мщении. Послушайте!

В голосе метиса слышалось явное раздражение.

— Послушайте. Я родом с Красной реки. Мой отец такой же белый, как вы сами. Вся разница в том, что вы — американец, а он — англичанин, или, что называется, джентльмен. Мать моя была дочерью вождя, и я стал настоящим мужчиной. Хорошо. И вот словно кому-то захотелось узнать, какая такая кровь течет в моих жилах. Ведь я был по отцу белым и к тому же всегда жил с белыми. Была там одна белая, которая частенько ласково поглядывала на меня. Она была из богачей. У ее отца, француза по крови, было много всякого добра — земли, лошадей и прочего. Он всегда настаивал, что девушка не должна иметь собственного мнения. И вот почему его так разозлило все то, что потом произошло.

У девушки же оказалось собственное мнение, благодаря которому мы вскоре и очутились перед священником. Но нас опередил ее отец, который черт знает что наговорил и наврал священнику. Кончилось тем, что священник отказался венчать нас. Вы понимаете, как все это вышло. Вначале церковь отказалась признать мое рождение, а затем и брак. Что же, как не церковь, принудило меня пролить человеческую кровь! Правда, ясно теперь, что я имею полное основание любить церковь? Короче говоря, я несколько раз ударил священника по его бритой физиономии и вместе с девушкой помчался в Ферт-Пьер, где священствовал

более сговорчивый и добрый человек. Но за нами вслед помчались ее отец, брат и всякие там другие люди. Дрались мы до тех пор, пока я не вышиб из седла троих человек, а остальных заставил повернуть восвояси. Мы с девушкой ушли в горы и леса, где стали жить невенчанными.

Но как вам понравится продолжение моего рассказа! Женщина, в общем, такое странное существо, что ни одному мужчине не понять ее. Между прочим, я в схватке выбил из седла отца моей любимой; остальные мои преследователи впопыхах проехали по его телу. Это мы успели заметить, но я вскоре забыл про это, а она... Она не забыла. Оказалось, что в тихие, мирные вечера, когда мы лежали при свете звезд, она переживала все тот же страшный час. Это было с нами неразлучно. Словно третье лицо сидело у нашего костра и делало нас чуждыми друг другу. Она пыталась бороться с ужасным, мертвящим ощущением, но страшный час припоминался еще подробнее, еще яснее... Видно было по всему — и по ее глазам, и по порывистому дыханию, — как она страдает.

Вскоре после того она родила девочку и скончалась. Желая дать ребенку кормилицу, я направился к родным моей матери... Но вдруг все вспомнили, что мои руки обгрены кровью, — правда, по милости церкви. Вспомнили также, что меня повсюду ищет полиция. Меня спас дядя, брат моей матери, начальник конной полиции. Он на время укрыл меня, а затем дал лошадей, корм и все прочее. Я ускакал к Гудзонову заливу, где проживало очень немного белых. Жил я спокойно, так как белые ни о чем не расспрашивали меня. Одновременно я работал и проводником, и погонщиком собак, и охотником, работал до тех пор, пока моя девочка не подросла и не превратилась в высокую красивую девушку.

Вам, конечно, известно, какие дурные мысли и дела рождаются в долгую, суровую зиму. Начальник поселка был очень предприимчивый и жестокий человек. Он не отличался ничем таким, что могло бы привлечь к нему женщин, и тем не менее он стал заглядываться на мою девочку. Господи Боже мой! Для того чтобы ему легче было обделать свое скверное дело, он надумал послать меня

в далекий путь. Так он и сделал — бессердечный, жестокий человек! У моей девочки была непорочная, белая душа — белая, как и ее тело. Она не выдержала этого ужаса — и умерла.

Я вернулся домой в холодную, ненастную ночь. Я несколько месяцев провел в отсутствии, и мои собаки, подезжая к дому, заметно хромали. На меня, не говоря ни слова, как-то странно смотрели и туземцы, и белые, и я, неизвестно почему, почувствовал гнетущий страх. Но как человек деловой, я прежде всего накормил собак и сам поел. Затем обратился к соседям за разъяснениями, и вот все, точно по уговору, отступили от меня: они страшились меня и моего гнева. Слово за словом мне передали всю историю, печальную историю, и все удивлялись моему поразительному спокойствию.

Выслушав рассказ, я немедленно отправился в дом начальника, причем — уверяю вас — был и действовал тогда спокойнее, чем теперь, когда рассказываю вам. Тот при виде меня перепугался насмерть и стал звать белых на помощь, но они отказались, считая начальника достойным наказания. Тогда он побегал к священнику, но я последовал за ним. Однако пастор стал на моем пути и начал говорить о том, что человек, объятый гневом, прежде всего должен подумать о Боге. Я указал на свои отцовские права и потребовал, чтобы он дал мне пройти, но он заявил, что к начальнику я пройду только через его труп... Опять на моем пути стала церковь, все та же церковь! Я не совладал с собой — и переступил через труп священника, а затем отправил начальника навстречу моей дочери пред Богом — пред дурным Богом, — Богом белых людей.

Поднялась страшная суматоха, и я понял, что мне необходимо скрыться. Я пересек Страну Великого Раба и по долине реки Маккензи дошел до вечных снегов, миновал Белые Горы и по Юкону добрался сюда. И с тех пор, кроме вас, я не видел ни единого белого. Вы — первый и, возможно, последний. Я теперь постоянно живу с туземцами. Это простые, бесхитростные люди, которые относятся ко мне с большим уважением. Я пользуюсь у них большим влия-

нием, настолько большим, что каждое мое слово — для них закон. Что я говорю — говорят и они. Что я думаю — думают и они. И вот я от имени всех нас требую, чтобы вы ушли от нас. Вы не нужны нам. Если с нашего позволения вы присядете у наших костров, то вслед за вами и в самом непродолжительном времени придут и ваша церковь, и ваши священники, и ваши боги. Знайте и помните, что каждого белого, который заглянет к нам, я заставлю отречься от веры его отцов. Для вас я делаю единственное исключение. Примите это во внимание — и уходите. Чем скорее вы уберетесь отсюда, тем будет лучше для вас.

— Я не могу и не должен отвечать за моих единоплеменников, — сказал белый, с задумчивым видом набивая трубку.

— Но мне достаточно знать ваш род, — произнес другой. — Вас очень много, и вы прокладываете дорогу для других. Со временем они явятся сюда и завладеют всем в стране, но при мне этого не будет. Мне говорили, что англичане уже у устья Большой Реки и что русские дошли до нижнего течения Юкона.

Гей Стокарт с изумлением взглянул на метиса.

— Разве Юкон впадает в Берингово море? — с изумлением спросил он, так как, подобно своим соплеменникам, предполагал, что Юкон впадает непосредственно в Ледовитый океан.

— Не знаю. Знаю только, что в нижнем течении Юкона собралось очень много русских. Если хотите, можете сами убедиться в этом. Кстати, вы и вернетесь к своим. Не советую вам идти на Койокук — не советую вам как начальник, которому покорны все воины и все жрецы.

— А если я все-таки не послушаюсь вас и не отправлюсь ни к русским, ни к англичанам?

— Тогда вы отправитесь к вашему злому Богу — Богу белых!

Над горизонтом стояло багрово-красное, задернутое легкими теньями, солнце. Батист Красный поднялся с места, слегка кивнул головой и среди красноватых сумерек направился в свой лагерь.

II

Гей Стокарт очень энергично, хотя и коротко, выругался. Тотчас же его жена подняла глаза и пристально посмотрела вдоль по берегу. Она отличалась удивительной способностью догадываться о настроении и планах мужа по тем ругательствам, которые он произносил. По этой самой причине она определила, что данный случай заслуживает большого внимания. Большой челнок, весла которого ярко сверкали на заходящем солнце, пересекал реку, направляясь к берегу. Гей Стокарт внимательно наблюдал за человеком. В трех гребцах, работавших с ритмической правильностью, не было ничего странного, но внимание янки привлек красный платок, повязанный вокруг головы одного из них.

— Билл! — крикнул Гей Стокарт. — Эй, Билл!

Из соседней палатки, зевая, потягиваясь и протирая заspanные глаза, выглянул огромный, громоздкий, словно развинченный человек. Бросив случайно взгляд на реку, он тотчас же пришел в себя.

— Ах, черт! И зачем это принесло его сюда!

Гей Стокарт покачал головой и сделал шаг назад, желая достать ружье.

— А его действительно надо было бы подстрелить, — заметил Билл. — Не то, чего доброго, он все попортит нам.

Однако Гей Стокарт отказался от этой мысли и попытался в том же направлении воздействовать на Билла. Тем временем челнок причалил к берегу, и из него, кроме двух индейцев, вышел белый, обращавший на себя внимание необыкновенным головным убором.

— Приветствую вас словами Павла Тарсийского! Да будет с вами мир и радость.

Его появление и приветствие были встречены холодным молчанием.

Приезжий продолжал:

— Приветствую Гея Стокарта, великого грешника и богоотступника. Знаю, что вашим сердцем владеет великий бог наживы, а умом — злой дух. Знаю еще, что в одной па-

латке с вами живет ваша любовница. Зная это, я, Стордж Оуэн, посол Божий, приказываю вам раскаяться и очиститься от всякия скверны!

— Да оставьте вы кликушеский тон! — с раздражением вскричал Гей Стокарт и указал по направлению индейского лагеря.

Стордж Оуэн, миссионер и ставленник Господа на земле, подошел к самому берегу и распорядился, чтобы вынесли на сушу все его вещи.

Тогда Гей Стокарт подошел совсем близко к нему.

— Послушайте! — сказал он, коснувшись плеча миссионера. — Вы какого мнения насчет своей безопасности?

— Моя жизнь, равно как и смерть, — в руках Господа, и в его саду я лишь работаю по его начертаниям.

— Ах, да бросьте же эти слова! Вас не пугает мученическая смерть?

— Да исполнится воля Господа.

— Хорошо. Если вы очень хотите, воля Господа исполнится именно здесь. Но все же я считаю своим долгом предупредить вас и дать вам некоторый совет. От вас зависит, принять его или не принять. Заявляю вам, что, оставаясь здесь, вы сами себя обрекаете на смерть, — и не только себя, но и нас, Билла, мою жену...

— Она не христианка!

— Повторяю, что вы смертельно угрожаете всем нам. Последнюю зиму я провел и пристрадал вместе с вами и знаю, что вы очень добрый человек. Конечно, я считаюсь с вашей почтенной миссией обращать язычников, но все же очень прошу вас хоть немного подумать о последствиях. Тут живет Батист Красный — не индеец, а человек одного с нами происхождения. С одной стороны, он так же упрям и стоек, как я когда-то был, а с другой стороны — так же ограничен и фанатичен, как вы теперь. Раз только вы сойдетесь, я умываю руки, умываю даже в том случае, если вы пригрозите мне вечным пребыванием в аду. Поняли меня? Если поняли, то немедленно воспользуйтесь моим советом и убирайтесь отсюда. Уезжайте вниз по реке, и вы попадете к русским, среди которых найдете много священников. Они, наверно, помогут вам

переехать Берингово море и вернуться в цивилизованный мир. Послушайте меня и оставьте нас как можно скорей.

— В сердце моем Господь, а в руке — Евангелие его, и мне нечего бояться ни козней дьявола, ни козней человеческих, — торжественно ответил миссионер. — Я все же встречу с этим ужасным человеком и попытаюсь воздействовать на него словом Божиим. Лучше вернуть в лоно христианства одну заблудшую овцу, чем обратить тысячу язычников. Сильный во зле будет так же силен и в добре. Примером тому может служить Савл, ушедший в Дамаск с тем, чтобы пригнать в Иерусалим пленных христиан. Сказано в Евангелии следующее: «И послышался ему голос Спасителя: — Павел, за что преследуешь меня? — И с того дня Павел перешел на сторону Господа Иисуса Христа и потом был велик и ревностен в спасении душ человеческих». И, подобно Павлу Тарсийскому, я работаю в саду Божьем и из любви к нему терплю напасти и горести, насмешки и презрение, боль и страдания.

Он тут же обратился к своим лодочникам:

— Не забудьте захватить чайник, мешок с чаем, олений окорок и котелок.

После того как прибывшие с ним люди — им же обращенные в христианство — вышли на берег, все трое, не выпуская из рук дорожных принадлежностей, опустили на колени и возблагодарили Бога за благополучное прибытие на место.

Гей Стокарт смотрел на всю эту церемонию с насмешливым и вместе с тем неодобрительным видом. Он отличался слишком трезвым и положительным взглядом на вещи, и подобные торжественные проявления были всегда чужды ему.

Между тем из своей палатки выглянул Батист. Глядя на все то, что происходит на стороне белых, он вспоминал о женщине, которая жила с ним в лесистых горах, — вспоминал и о дочери, похороненной где-то около сурового Гудзонова залива.

III

— Батист, перестанем говорить об этом. Да не то что говорить — и думать об этом нечего. Я согласен с вами, что этот человек очень плохо понимает житейские дела и просто глуп, но при всем том я не могу отречься от него.

Гей Стокарт замолчал. Видно было, что эти слова выражали всю его душу, всю грубую этику его существования.

— Послушай, Батист, — продолжал он после паузы. — Он уж давно приелся мне; против своей воли он сделал мне много плохого. Но опять же... Как это ты не хочешь понять, что мы с ним одной расы? Он белый и... Да будь он даже негр, я не позволил бы себе отстоять свою жизнь за счет его жизни.

— Хорошо! — заявил Батист Красный. — Я сделал вам большое одолжение тем, что дал право выбора. Я теперь ухожу от вас, но скоро вернусь — вернусь со всем моим народом. И тогда вам опять придется выбирать: либо я убью вас, либо вы откажетесь от своего Бога. Если же вы хотите, чтобы я оставил вас в покое, отдайте мне миссионера. Если вы этого не сделаете, вы погибнете. Мое племя ненавидит всех вас, даже ваших младенцев. Вот посмотрите: наши дети завладели вашими лодками.

Он указал на реку. Нагие индейские ребяташки на лодках белых неслись по течению; очутившись за пределами ружейного выстрела, они взялись за весла и стали торопливо грести по направлению к берегу.

— Отдайте в наше распоряжение миссионера, и я верну вам лодки, — сказал Батист Красный. — Хорошенько обдумайте мое предложение. Я не хочу, чтобы вы торопились.

Гей Стокарт покачал головой. Он взглянул на жену, державшую у груди ребенка, и, весь во власти колебаний, не находил в себе силы смотреть на стоявших около него белых.

Его сомнения разрешил миссионер, который после решительного заявления Батиста подошел совсем близко.

— В моей душе нет страха, — сказал он. — И я хоть сейчас готов идти к неверующим. У нас еще достаточно времени, я верю в чудо и надеюсь, что к одиннадцатому часу мне удастся обратить язычников на путь истинный.

— Вот вам удобный случай! — шепнул Билл на ухо Стокарту. — Самое лучшее будет, если он пойдет к ним заложником. Пусть они устраиваются там с ним, как хотят.

— Нет, — твердо ответил Стокарт. — Я обещал ему, что мы поведем переговоры вполне честно. Тут, Билл, все равно что на войне, и поэтому надо считаться с правилами войны. Он до сих пор вел себя очень честно, даже предостерег нас, и поэтому я не смею нарушить мое слово.

— Он все равно исполнит свое обещание.

— Я знаю это, но тем больше оснований для меня быть таким же честным. Я не должен допустить, чтобы он оказался честнее меня. Ведь ты понимаешь, что если мы отдадим ему миссионера, то раз навсегда покончим с этим делом. Как же по-твоему: отдать?

— Нет... — колеблясь, произнес Билл.

— Вот видишь! И ты не решаешься!

Билл смутился, покраснел и перестал спорить. Батист Красный терпеливо ожидал ответа.

Гей Стокарт подошел к нему и сказал следующее:

— Послушай, Батист. Тебе известно, что я пришел сюда с целью идти дальше на Койокук. Ты знаешь, что у меня не было никаких дурных тайных мыслей. Их тогда не было и теперь нет. Вдруг приходит сюда этот священник. Ведь не я же привел его сюда. Он пришел бы сюда независимо от того, здесь я или нет. Но теперь, раз он здесь и раз он — мой единоплеменник, я обязан стать на его защиту. Если ты, Батист, и весь твой народ будете добиваться своего, вам еще хуже будет. Замрет жизнь в вашем поселке; совсем, точно после голода, опустеет ваш лагерь. Конечно, мы страдаем, но и твои люди...

— Но те мои люди, которые останутся в живых, будут пользоваться миром и спокойствием, и их слуха не будут раздражать чужие слова о чужих богах.

Гей Стокарт и Билл пожали плечами и ушли, а Батист Красный вернулся к себе.

Стордж Оуэн созвал людей, и они все вместе стали молиться. Стокарт и Билл срубили несколько высоких сосен и сделали из них брустверы, вполне пригодные для защиты.